

УДК 82.161.1-3

## РОЛЬ ИТЕРАТИВНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»

Н. В. Семенова

Тверской государственный университет  
кафедра истории и теории литературы

В статье рассматривается функция итератива в повести А. П. Чехова «Скучная история». Преобладание итеративного повествования над сингулятивным объясняется жанром «записок», подразумевающим установку на автокоммуникацию.

**Ключевые слова:** итеративное повествование, процессуальность, событийность, псевдоитератив.

Обозначая предмет нарратологии, В. И. Тюпа за границами нарратологического познания оставляет «итеративные высказывания описательного характера <...> в которых формируется, сохраняется и передается опыт повторяющихся состояний, регулярных действий, воспроизводимых ситуаций» [5, с. 8]. Однако остается не до конца определена граница между «описательным итеративом» и «повествовательным итеративом», притом что «повествование итеративное фиксирует процессуальные изменения или повторяющиеся состояния и действия» [Там же, с. 51]. Включение итеративного повествования в «фон событийности» [Там же] может свидетельствовать о признании особого назначения итератива в передаче события.

В лингвистике итератив рассматривается как «результат абстракции от множества конкретных действий» [4, с. 223]. Ту же особенность итератива отмечает Жерар Женетт [1, с. 141]. В работе «Повествовательный дискурс» он рассматривает итератив как особую повествовательную технику наряду с сингулятивным и повторным типом повествования. При этом сингулятив может быть представлен формулами 1П/1И,  $nП/nИ$ , где П – «произошло», И – «изображено». 1П/1И – «повествование может излагать один раз то, что произошло один раз» [Там же, с. 145].  $nП/nИ$  – «излагать  $n$  раз то, что произошло  $n$  раз» [Там же].  $nП/1И$  – итератив: «излагать один единственный раз (или за один единственный раз) то, что произошло  $n$  раз». Повествование «прибегнет здесь к какой-либо силлептической формулировке, например: «все эти дни», или «всю неделю», или «ежедневно на этой неделе он ложился спать рано» [Там же, с. 142].

Сравнивая использование итератива в классическом романе, где доля его не превышает 10 %, и прозе модернизма, Женетт приходит к выводу о безусловном преобладании итератива над сингулятивом в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»: 115 страниц итератива против 70 сингулятива в Комбре; 91 против 103 в Любви Свана; 145 против 113 в Жильберте [Там же, с. 145].

Беспрецедентно высоким для чеховского творчества оказывается процент итератива в рассказе «Душечка» – 63 % и в повести «Скучная история» – 50 % (в «Скрипке Ротшильда» – 27 %, «Человеке в футляре» – 23 %, «Попрыгунье» – 14 %, «Володе большом и Володе маленьком» – 10 %). Признавая приблизительность

этих показателей («точность здесь невозможна» [Там же]), можно предположить, что полученный результат зависит не столько от техники подсчета (количество страниц у Женетта или количество знаков у автора этой статьи), сколько от сложности определения границ итератива, образующего в ряде случаев смешанные формы с сингулятивным повествованием.

В повести «Скучная история» ритм повествования определяется далеко не всегда чередованием сингулятивных и итеративных фрагментов. В первых четырех главах доминирует итератив, в пятой и шестой – сингулятив. Преобладание итератива можно объяснить исходя из подзаголовка, обозначающего первичный речевой жанр, на который ориентировано произведение: «Скучная история. Из записок старого человека». Записки как первичный речевой жанр пишутся для себя, это фиксация повседневного опыта, размышления о пережитом. Так же и тексты, построенные на основе итеративных высказываний, «по своей интенции автокоммуникативны <...> коммуникативный акт сообщения кому-либо номотетических (законосообразных) обобщений по отношению к их референтному содержанию факультативен» [6, с. 9]. Речь идет о том, что рассказ о повторяющихся событиях не может быть интересен собеседнику и не порождает коммуникативной ситуации.

В повести профессор медицины, Николай Степанович, знающий о своей смертельной болезни, в последние месяцы жизни пытается разрешить для себя бытийные вопросы – найти «общую идею». С главным героем не происходит ничего замечательного, напротив, он постоянно осознает рутинность существования. В терминах нарратологии такой опыт определяется как процессуальный – «опыт узнаваемого повторения ситуаций» [5, с. 7], а не событийный.

Первая глава построена как цепочка итеративных эпизодов. Рассказ о бессоннице, которая «составляет теперь главную и основную черту <...> существования» [9, с. 252], ведется итеративом с единственным сингулярным сегментом: «Если передо мной лежит книга, то машинально я придвигаю ее к себе и читаю без всякого интереса. Так, недавно в одну ночь я прочел машинально целый роман под странным названием “О чем пела ласточка”» [8, с. 254]. Итеративный эпизод – утренний разговор профессора с женой, где среди сигналов итератива преобладают слова со значением цикличности: «всякий раз говорит одно и то же» [Там же]; «каждое утро одно и то же» [8, с. 255]; «ежедневный опыт мог бы убедить жену» [Там же, с. 255]. Итеративом передан и разговор с дочерью; знаком итератива выступает здесь слово обыкновенно со значением узуальности:

«Обыкновенно, когда по утрам она приходила ко мне здороваться, я сажал ее к себе на колени и, целуя ее пальчики, приговаривал:

– Сливочный... фисташковый... лимонный...

И теперь, по старой памяти, я целую пальцы Лизы и бормочу: “фисташковый... сливочный... лимонный...”» [Там же, с. 256].

Итеративом дается рассказ о чтении лекций в университете. Здесь рассказчик два раза делает оговорку, отмечая вариативность некоторых ежедневных действий, что только подчеркивает повторяемость и регулярность всех остальных.

«Когда подхожу я к своему крыльцу, дверь распаивается и меня встречает мой старый сослуживец, сверстник и тезка швейцар Николай. Впустив меня, он крикает и говорит:

– Мороз, ваше превосходительство!

Или же, если моя шуба мокрая, то:

– Дождик, ваше превосходительство!» [Там же, с. 258].

«И мы шествуем в таком порядке: впереди идет Николай с препаратами или с атласами, за ним я, а за мною, скромно поникнув головою, шагает ломовой конь; или же, если нужно, впереди на носилках несут труп, за трупом идет Николай и т. д.» [Там же, с. 261].

Вторую главу характеризует не только преобладание итеративного повествования, но и особый его характер. Визит коллеги, приход на дом к профессору студента, не сдавшего экзамен, докторанта, желающего получить тему диссертации, как отмечает и сам рассказчик, не обязательно являются приметой одного дня: «Звонки могут следовать один за другим без конца, но я здесь ограничусь только четырьмя» [Там же, с. 268]. «Сингулятивная сцена у Пруста подвержена как бы заражению итеративом», – пишет Женетт [1, с. 147]. У Чехова наоборот: итеративная сцена подвержена «как бы заражению сингулятивом». Во втором случае исследователь говорит о весьма характерном присутствии того, что он называет «псевдоитеративом» – «сцен, поданных как итеративные, тогда как вследствие богатства и точности деталей никакой читатель не может всерьез поверить, чтобы они происходили несколько раз без каких-либо изменений» [Там же]. Псевдоитератив Женетт понимает как «...типичную фигуру нарративной риторики, которую не следует понимать буквально, а как раз наоборот: повествование, буквально утверждающее: “это происходило все время” следует понимать фигурально: “все время происходило нечто в этом роде, одной из реализаций которого является изображаемое событие”» [Там же]. В повести Чехова в ряде эпизодов то, что происходило однажды, воспринимается как совершающееся постоянно. Очевидно, например, что приемная дочь профессора Катя не каждый день показывает Николаю Степановичу устроенный для него уютный кабинет и предлагает приходить и работать у нее. Не всегда жена и дочь после ухода Кати сетуют на то, что она пренебрегает ими, и т. д. Псевдоитератив у Чехова функционально ничем не отличается от сингулятивных вставок, маркированных в тексте специально. Таков эпизод, где Николай Степанович расписывается в своей ненависти и презрении к жениху дочери Гнеккеру:

«Увлечшись злым чувством я часто (сигнал итератива со значением интервала. – Н.С.) говорю просто глупости и не знаю, зачем говорю их. Так случилось однажды (знак сингулятива. – Н.С.), я долго глядел с презрением на Гнеккера и ни с того ни с сего выпалил:

Орлам случается и ниже кур спускаться,

Но курам никогда до облак не подняться...» [8, с. 296].

О явлении повторяемости эпизодов в рассказах Чехова писал А.П. Чудаков. Не используя нарратологические подходы, Чудаков по существу дал описание «псевдоитеративных» сцен в рассказе Чехова «Попрыгунья», которые он называет «характеристическими эпизодами» [9, с. 145]. Этот принцип построения используется и в «Скучной истории». Бесконечная повторяемость ситуаций, разговоров создает эффект бесперспективности жизни, а история, рассказанная сингулятивом (поездка главного героя в Харьков) по существу ничего не меняет.

Можно предположить, что особая значимость итеративных эпизодов свидетельствует об ослаблении событийности в рассказах Чехова. Это явление разные исследователи объясняют невыделенностью события из полного случайностей жизненного потока [Там же, с. 146, 163, 165, 167 и др.]; «общим чеховским мироощущением, в частности ощущением безвыходности большинства жизненных ситуаций, находящихся в тисках застойности быта и социальной неподвижности» [3, с. 242].

Отмечая особый характер «бессобытийности» в «Скучной истории», В. Я. Линков говорит по существу о ментальном событии. На вопрос: «Как же движется мысль героя и что она открывает?» – дается следующий ответ. Событие – это путь «от сознания героем противоречия между знаменитым именем и подлинной своей сущностью и открытия, что собственная семья стала чужой, до понимания, что нет и желания ее вернуть и страха перед своим равнодушием» [2, с. 62]. На наш взгляд, судить о наличии события в повести затруднительно ввиду того, что не установлены критерии разграничения «рефлексии ментальных процессов» – итеративного опыта и «рефлексии ментальных событий» – сингулярного опыта [5, с. 7]. Увидеть в финале «неожиданную просветленность» [2, с. 71] можно только не принимая во внимание заглавие повести «Скучная история». Е. Червинскене, отмечая, что слова скучно, скука, скучный в произведениях Чехова встречаются особенно часто, указывает и на их негативную коннотацию, сопряженную с отсутствием «высших целей» [7, с. 116] («общая идея» у Чехова). В этом случае приходится говорить об открытом финале и оказывается под вопросом такой обязательный признак события, как «фрактальность» – «наличие начала и конца рассказываемого отрезка жизни» [Там же, с. 16]. Особая же роль итератива в «Скучной истории», возможно, определяется тем, что мысли об отсутствии «общей идеи» являются через осознание процессуальности жизни.

#### Список литературы

1. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. С. 308–434.
2. Линков В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 128 с.
3. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 278 с.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
5. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.
6. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 58 с.
7. Червинскене Е. Единство художественного мира. А. П. Чехов. Вильнюс: Мокслас, 1976. 184 с.
8. Чехов А. П. Собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 7. М.: Наука, 1985. 736 с.
9. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 292 с.

#### THE ROLE OF ITERATIVE NARRATION IN THE NOVELET “A BORING STORY” BY ANTON CHEKHOV

N. V. Semenova

Tver State University  
*the Department of History and Theory of Literature*

The article deals with the function of iterative narration in “A Boring Story” by Anton Chekhov. The domination of the iterative narration over the singulative one is ex-

plained by the choice of the genre form of “notes” which implies the dominance of auto-communication.

**Keywords:** *iterative narration, procedurality, eventivity, pseudo-iterative.*

*Об авторе:*

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru.

*About the author:*

SEMENOVA Nina Vasilevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru.